

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

© 2011 О.Н.Шалифова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 28.06.2011

В статье рассматриваются некоторые аспекты явления семантической транспозиции, которая представляет собой способ развития семантической структуры многозначного слова.

Ключевые слова: семантическая транспозиция, внутренняя форма слова, семантическая парадигма, семантическая структура, сдвиг значения

Развитие семантической структуры слова осуществляется путем *транспозиции* (< лат. «смещение») имеющихся у него значений (термин *транспозиция семантической стороны знака* введен Е.Куриловичем¹). В нашей статье излагается опыт описания некоторых аспектов этого явления. Прежде всего, следует определить ряд исходных понятий. *Номинальное значение* слова – это значение, возникающее из его морфемных значений по стандартным правилам семантической комбинаторики, а *реальное значение* – это то, в котором слово действительно употребляется в речи. Иногда номинальное и реальное значения совпадают (англ. *teacher*: номинальное и реальное значение «учитель»), а иногда – нет (англ. *gooseneck*: номинальное значение «гусиная шея», реальное значение «изогнутая трубка»); в последнем случае слово является идиоматичным.

У ряда лексико-семантических вариантов одного слова бывает одно и то же номинальное значение, но у каждого – свое реальное значение. Так, у слова *sitter* номинальное значение – «тот, кто сидит», а реальные значения – 1) «сиделка (при больном)»; 2) «тот, кто позирует (для портрета)»; 3) «наседка (птица)»; 4) «легкое дело, пара пустяков». При этом одно и то же номинальное значение выступает по отношению к разным реальным значениям иногда как одна и та же, а иногда как разные внутренние формы. *Внутренняя форма* слова – это его номинальное значение, выступающее в функции мотиватора реального значения, причем не всякого, а отдельно взятого значения либо нескольких значений². Например, первые три значения

слова *sitter* *одинаково* мотивируются номинальным значением: в их основе лежит тот факт, что для сиделки, позирующего и наседки характерна сидячая поза. Следовательно, у этих значений одинаковые внутренние формы. Значение «легкое дело» мотивировано иначе; в основе мотивации лежит тот факт, что неподвижную дичь легко подстрелить (ср. *easy shot* «плевое дело»). У этого значения слова *sitter* иная внутренняя форма, хотя номинальное значение то же.

При переосмыслении слова происходит транспозиция номинального значения: *sitter* – это тот, кто не только сидит, но, может быть, иногда и стоит, и движется, притом для создания портрета, для ухода за больным, для высиживания птенцов. Это можно назвать *идиоматизацией исходного значения*: у номинального значения «сидящий» несколько изменяются семный состав и объем, в результате чего возникают реальные значения, которые идиоматичны, ибо не выводятся автоматически из номинального значения, не предсказуемы со сто процентной вероятностью и не охватывают всего континуума номинального значения: словом *sitter* называется не всякий субъект, для которого характерно сидение (скажем, так не называется заключенный, домосед, всадник или тот, у кого сидячая работа). Всё это – признаки идиоматичности значений.

Рассматриваемый смысловой переход не является *сужением* значения. При сужении между исходным и производным значениями устанавливается гиперо-гипонимическое отношение «объект – вид объекта»: *drink* «напиток» → «спиртное» (вид напитка); *meat* устар. «пища» → современное «мясо» (вид пищи). Значение «пища» является родовым по отношению к значению «мясо». В значении «мясо» сема [пища] – главная: когда об этом объекте говорят *не* в связи с его употреблением в пищу, его называют не словом *meat*, а словом *flesh* «плоть»: *meat* – «animal flesh as food» (*Concise Oxford Dictionary of*

⁰ Шалифова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков. E-mail: dekanatino@mail.ru

¹ Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М.: 1962.

² Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. – М.: 2006. – С. 150 – 156.

Current English. Oxford: Clarendon Press, 1988). Переход *meat* «пища» → «мясо» представляет собой сужение значения по объему, а переход *sitter* «сидящий» → «позирующий» – нет (см. ниже). Полисемия слова *sitter* возникла и не в результате *распада широкого значения*. У этого слова нет и не было широкого значения, которое охватывало бы все его нынешние реальные значения. Они не вписались бы в него. Распад широкого значения представляет собой несколько актов сужения значения по разным признакам, в результате которого возникает несколько суженных значений. Рассмотрим русский пример. Слово *автомат* (< греч. *automaton* «самодействующий») имеет общее значение «то, что работает само; самодействующая система». Так, можно сказать, что экологическая система Земли – это автомат по обеспечению гомеостаза зем-

ного биоценоза; организм – это биоавтомат по поддержанию жизни; грамматика (по Н.Хомскому) – это автомат по порождению высказываний и т.д. Но, хотя они по существу являются автоматами, так их обычно не называют. Их называют *экология, организм, грамматика*. Когда мы именуем эти вещи словом *автомат*, возникает не ряд суженных значений, а ряд речевых смыслов в рамках широкого значения этого слова. Суженные значения образуются тогда, когда семантический континуум слова дискретизируется, а дифференциальные семы, сужающие общее значение, закрепляются за интегральной семой и фиксируются в словарях. Это слово становится главным названием предмета в рамках той или иной тематической области и терминосистемы (см. рис. 1).

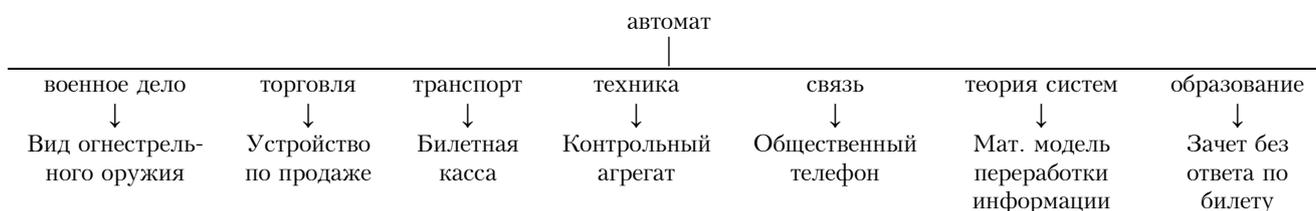

Рис. 1. Семантическая парадигма русского существительного автомат

В контекстах «стрелять из автомата», «выпить газировки из автомата», «взять билет в автомате», «автомат заблокировал систему», «я звоню из автомата», «теория конечных автоматов», «получить автомат по химии» суженные значения этого слова легко распознаются и активизируются в нашем сознании. Но речевые смыслы в рамках широкого значения слова *автомат* так не распознаются. Хотя организм в определенном смысле является автоматом, вместо *человеческий организм* мы не можем сказать *человеческий автомат*: нас не поймут, ибо это слово – не главное наименование данного объекта. В рамках семантического континуума у слова могут возникать любые речевые смыслы,

конкретизирующие его широкое значение, но лишь некоторые из них застывают и превращаются в системные языковые значения этого слова. В этом состоит различие речевых смыслов и суженных языковых значений слова.

Русскому слову *автомат* соответствует англ. *automaton*, но не в суженных, а лишь в широком значении. По-английски боевой автомат называется *tommy-gun*, торговый – *slot machine*, билетный – *ticket-vender*, контрольный – *controller*, кафе-автомат – *automat*, телефон-автомат – *public phone*. Широкое значение английского слова *automaton* распадается не так, как у русского слова *автомат* (см. рис. 2):

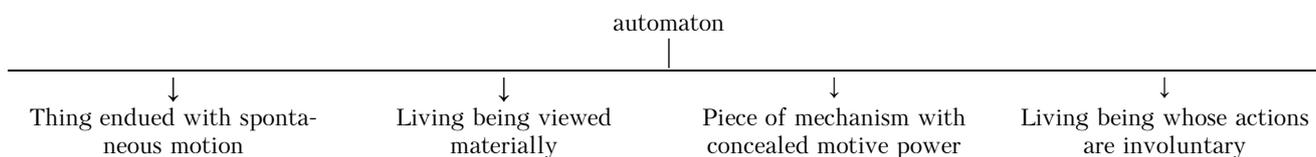

Рис. 2. Семантическая парадигма английского существительного automaton

Как видим, семантическая деривация в разных языках характеризуется национально-лингвистической спецификой. Например, носители английского языка называют словом *machine* многие устройства, но его денотативная область членится не путем расщепления его значения, а путем добавления грамматических

определений и приложений: *dictating machine* (диктофон), *vending machine* (торговый автомат), *sewing machine* (швейная машина), *washing machine* (стиральная машина), *printing machine* (линотип), *peeling machine* (приспособле-

ние для очистки от кожур), *love machine* (урон. половой гигант), *political machine* (государственный механизм), *machine-gun* (пулемет), *machine-tool* (станок) и др. Но имеет место и *распад значения*: слово *machine* само по себе имеет узкие значения «слаженно работающая организация / учреждение» и *устар.* «автомобиль». Как видим, по-русски эти объекты называются иначе.

Перейдем от сужения значения к другому виду семантического перехода. При переходе *sitter* «сидящий» → «позирующий» механизм переосмысления иной. Это не родо-видовое отношение. Позирование – не разновидность сидения. Механический акт сидения при позировании – не главное. Позирование – это культурное мероприятие, проводимое с определенной целью. В случае со словом *sitter* частично меняется содержание (семный состав) исходного значения, а его объем (денотат) по одной линии сужается (убираются те сидящие, которые не позируют), а по другой – расширяется (добавляются те позирующие, которые не сидят). Это *сдвиг значения* (некоторые сидящие позируют, и некоторые позирующие сидят).

Сиделку нельзя определить как персону, которая только и делает, что сидит рядом с больным. Если бы она только сидела, толку бы от нее не было. Ее задача – ухаживать за больным, а сидит она лишь в перерывах между действиями. Как видим, эта профессия называется не через главный признак – [ухаживание], а через побочный – [сидение]. Отношение «сидение – ухаживание» не является родо-видовым. Вот почему это не есть сужение значения.

Изменение семного состава и объема значения слова (одна из сторон процесса идиоматизации) происходит при всех видах его семантического развития – сужении, сдвиге, расширении, переносе значения. Но этими терминами обозначаются лишь наиболее общие модели семантической деривации, а в живой реальности языка наблюдается масса конкретных субмоделей смыслового перехода. Так, переход *sitting* «сидение» → «позирование» относится к модели «сдвиг значения» и к субмодели «пребывание в физической позе → цель пребывания в этой позе» (не зря этот лексико-семантический вариант сопровождается целевым предлогом: *sitting for the portrait*). Сюда же относятся *standing (for)* «отстаивание / защита чего-л.» и *lying (for / with)* «занятие сексом». Приведем пример:

«What's the difference between a politician and a prostitute?»

«He *stands* for people's benefit; she *lies* for it. There is no other difference».

Переход *sitting* «сидение» → «заседание» (*Byron liked sitting in the House of Lords*) относится к той же модели, но к другой ее субмодели: «пребывание в позе → пребывание в ситуации / положении / статусе». К ней же относится *standing* «стояние» → «пребывание в должности / общественном положении» (*standing high / low* etc.) и *lying* «лежание» → «пребывание в положении / состоянии» (*lying in prison* «сидение в тюрьме», *lying out of money* «безденежье» и т.п.).

Существует множество разновидностей семантического перехода, но они вписываются в единую общую схему: исходное значение, принадлежащее к той или иной тематической области и семантической категории → переход в иную тематическую область (смена тематического маркера) → переход в иную семантическую категорию (смена категориального маркера) → смена конкретизирующей семы исходного значения языковой единицы → возникновение производного значения.

Например, словосочетание *man of war* первоначально обозначало война (тематический маркер [армия], категориальный маркер [деятель], конкретизирующая сема [мужчина]). Далее тематический маркер сменился на [флот], категориальный – на [орудие], а конкретизирующая сема – на [корабль] при сохранении семы [военный]. Вследствие этой «чехарды» семантических признаков сочетание идиоматизировалось и превратилось в слово *man-of-war* «военный корабль». Что в таких семантических переходах моделировано, а что – эвристично?

Моделировано общее направление перехода («человек → неодушевленный предмет») и конкретные линии в его русле: а) *man* «мужчина → корабль» (*merchant-man* «корабль торгового флота», *cargo-man* «грузовой корабль», *India-man* «корабль, возивший товары из Индии»); б) *man* «мужчина → орудие настольной игры» (пешка, шашка, фишка);

Эвристичен выбор маркеров и конкретизаторов (почему, например, выбрана сема [флот], а не сема [артиллерия], и почему [фишка], а не [игральная кость]?). В таких случаях имеет место диалектика необходимости и случайности. При семантическом переходе важную роль играет *корреляция признаков* объектов. В генетике существует понятие «сцепленные гены». Так, ген гемофилии сцеплен с мужским полом: ею страдают только мужчины. Трехцветными бывают почти исключительно кошки, а не коты. Веснушчатые в основном люди с красноватым цветом волос (рыжие, шатены и т.п.). Один ген с той или иной вероятностью сопутствует другому; это и есть корреляция признаков.

Она широко представлена и за пределами генетики. Например, у плодов земли признак [зеленый] с высокой (хотя и не стопроцентной) вероятностью сцеплен с признаком [незрелый]; поэтому слово *зеленый* обрело прямое и переносное значение «незрелый» (*зеленый юнец*; *молодо-зелено*; ср. англ. *to be as green as a gooseberry* «быть молодым и неопытным»). Наличие признака А служит знаком или индексом³ гарантированного или вероятного наличия признака В. Если икра имеет черный цвет, мы делаем вывод, что она осетровая, а значит, вкусная. Цвет икры (признак А) интересует нас не сам по себе, а как показатель высоких потребительских качеств икры (признака В). Это прагматически значимый признак. Поэтому, говоря *black caviar*, имеют в виду не буквально икру черного цвета, а *осетровую* икру с импликацией [деликатес]. Именуют ее по несущественному внешнему признаку (цвет), а подразумевают наличие существенного внутреннего признака (вкус). Прагматический акцент смещается, и возникает идиоматическое значение.

Хотя перед нами действительно икра и она действительно черная, это не значит, что сочетание *black caviar* имеет буквальное значение. Если бы оно было буквальным, оно бы обозначало любую икру черного цвета (бывает такая и у неосетровых рыб). Но оно обозначает только осетровую икру. Такое переосмысление происходит по следующему принципу: в номинальном значении знака отражается внешнеопознавательный признак объекта, а в реальном значении – внутренний сущностный.

Ср. англ. *jaundice* (< фр. *jaune* «желтый»);

рус. *желтуха*. Это народное именование: не будучи медиками и не зная, в чем заключается сущность заболевания, люди назвали его по внешнему симптому – [желтизна кожи и склеры], а врачи назвали его по сущностному признаку – [воспаление печени]: *hepatitis* < греч. *hepar* «печень» + *-itis* (формант со значением «воспаление»; ср. рус. *genatum*).

Познавая и осмысливая мир, люди всегда шли снаружи (от непосредственного чувственного восприятия) внутрь (к пониманию причинных связей в объекте и его значимости для человека). Этот процесс зафиксирован в соотношении номинального и реального значений языкового знака. Переход от явления к сущности, от формы – к содержанию, от вещи – к ее смыслу обуславливает перестановку прагматического акцента в номинальном значении ([желтизна кожи] → [разлитие желчи] → [воспаление печени]), которая ведет к образованию идиоматического реального значения. Образование новых значений у слова отражает этапы познания и осмысления мира. Это один из важнейших факторов развития семантической структуры слова.

³ Пирс Ч. Логические основания теории знаков. – СПб.: 2000.

SEMANTIC TRANSPOSITION AS A METHOD OF LEXICAL MEANING DERIVATION

© 2011 O.N.Shalifova^o

Samara State Academy for Social studies and Humanities

The paper explores some aspects of semantic transposition which is treated as a method of the derivation of new lexical meanings of a polysemantic word.

Key words: semantic transposition, inner form of the word, semantic paradigm, semantic structure.

^o Olga Nicolaevna Shalifova, Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of Foreign Languages Department.
E-mail: dekanatino@mail.ru